

Марина Давыдова

Land of No Return

But 'tis not so above.
There is no shuffling, there the action lies
In his true nature, and we ourselves compelled,
Even to the teeth and forehead of our faults,
To give in evidence.

Hamlet

Действующие лица:

Лада
Юрий, отец Лады, экскурсовод
Марк, друг отца
Девочка Мехрибан (14 лет)
Кямран, старший брат девочки Мехрибан
Тетя Киля (Цецилия Карловна)
Соседи

ПРОЛОГ

На авансцену выходит девочка Мехрибан в школьной форме и пионерском галстуке. Бросает на землю портфель, из него выпадают учебники, тетради, пенал... Натягивает резинки на два стоящих неподалеку друг от друга больших камня, похожих на надгробия. Начинает играть в резинки сама с собой. Прыгает «однерки», потом «двойки», потом «тройки».

Голос Лады за кадром:

У меня есть концепция Чистилища.
Человек попадает в белую комнату, из которой он не может выйти. Он никогда не засыпает и не испытывает голода или холода. Он просто сидит посреди этой комнаты, а на всех стенах ему показывают, как на кинолентке, всю его жизнь – от рождения до смерти. Он вынужден непрерывно смотреть на все, что он сделал, и куда бы он ни повернулся, вокруг него его прошлое. Он сможет выйти из комнаты, только когда искренне раскается во всем гадком, что вольно или невольно в этом прошлом совершил. Раскается не словами, а каким-то неопровержимым внутренним движением души. Пока этого не случилось, он обречен просматривать пленку опять и опять. Возможно, он обречен делать это целую вечность.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Луч прожектора высвечивает высокий барный стул, на котором сидит Лада. Девочка Мехрибан чуть поодаль продолжает играть «в резинки».

Голос невидимого интервьюера: Что ты помнишь про этот город?

Лада: Я помню, что он был жаркий, запутанный, очень черный ночью, раскаленный и сияющий днем. Помню, что в нем часто дул ветер. Он был таким сильным, что вырывал у меня из рук школьный портфель. Иногда мне кажется, что это он унес все, что было мне тут дорого. Помню наскальные рисунки. Нас возили всем классом в это место... Как оно называлось...

Девочка Мехрибан: Гобыстан.

Лада: Да, Гобыстан. Человечек на стене, рядом другой, третий. Они стоят, как будто взявшись за руки. Я читала тогда Конан-Дойля и была уверена, что своих «Пляшущих человечков» он списал с этих забавных рисунков каменного века. До них можно было доехать на городском автобусе. Еще помню чай в специальных стаканах. Иногда после пляжа мы с мамой заходили в кафе. Женщин там не было, сидели одни мужчины. Они посматривали на нас с недоумением, но выпроводить не решались, и мама устраивала свою маленькую феминистскую революцию. Она садилась нога на ногу, заказывала мороженое в металлических вазочках и чай вот в этих специальных стаканах. Как-то они назывались – на «а»...

Девочка Мехрибан: Армуды.

Лада: Да, армуды. Я забыла это слово. Я все забываю. Слова, названия, лица...

Девочка Мехрибан: Если ты забыла, как играть в «резинки», я поссорюсь с тобой навсегда. Ты помнишь, как прыгают «однерки»?

Лада: Как?

Девочка Мехрибан: Между резинок, на резинки, за резинки, ноги вместе, между резинок, потом выпрыгиваешь. Как это можно забыть?

Лада: Я помню. Я спросила просто так.

Девочка Мехрибан: А кто в какой квартире жил? Вот в 7-й – кто?

Лада: Бухгалтер Берковская. Пышная, с большой грудью и маленькими ладошками. Она завела роман с начальником-азербайджанцем. Кажется, его звали Гейдар. Говорила, что это не по любви, а на всякий случай. Так спокойнее...

Девочка Мехрибан: Сверху в 9-й?

Лада: Авторитетная баба Жанна и пьющий дядя Ваня – маленький сухонький, метр пятьдесят пять. Баба Жанна казалась крупнее своего Вани раза в два. Ваня очень ее уважал. Он возвращался домой часов в пять утра и будил весь дом криком: «Брунгильда, открой!». Если Жанна не открывала, Ваня начинал читать стихотворение Лермонтова «Бородино». Весь наш дом помнил стихотворение Лермонтова «Бородино».

Девочка Мехрибан: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»

Лада: Вот – ты тоже помнишь!

Девочка Мехрибан: Я вообще все помню. А с Берковской, в коммуналке – кто?

Лада: Тетя Киля... У нее что-то было с ногами. Кажется, детский полиомиелит. Она ходила на костылях, страшная, растрепанная, в нижнем белье. Я боялась ее до судорог. Встреча с ней на лестнице сулила что-то страшное. Но в ее источающей тление комнате почему-то стоял черный концертный рояль. Иногда она играла на нем и пела что-то на незнакомых мне тогда языках.

Девочка Мехрибан: А еще? Кого еще помнишь?

Лада: Еще доброго дядю Рубена. Он никогда не пил, все время лежал под «Жигулями» и что-то там чинил. Он очень любил свою смешную тетю Эрик. Просил иногда у нас книги. Зачем-то прочитал всего Теодора Драйзера и роман Болеслава Пруста про фараона Эхнатона. Знаешь... Мне сказали, что те люди, которые захватили нашу квартиру... они вынесли на помойку нашу библиотеку. Отец так долго ее собирал... А еще они вынесли туда мои виниловые пластинки. Ты видела этих людей?

Девочка Мехрибан: *(через паузу)* Нет, я никого не видела.

Продолжает прыгать – четверки, пятерки, шестерки...

Лада: Совсем никого?

Девочка Мехрибан: Прости. Мне надо идти.

Начинает складывать разобранные вещи в портфель.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

Входит Юрий, за ним небольшой группа людей.

Берковская: Давайте после экскурсии сразу ко мне.

Тетя Эрик: Светик, давайте к нам лучше. У нас долма.

Брековская: Нет, ко мне. Вчера на рынке демьянки по 15 копеек отдавали.

Купила три кило – наготовила на целую роту.

Дядя Рубен: Я заменю целую роту. Приноси все с собой. У тебя эта сумасшедшая опять будет давать концерты.

Дядя Ваня: Да ладно! Цыкну, заткнется.

Баба Жанна *(Ване)*: Зайдешь завтра на рынок, если еще остались демьянки, купишь...

Дядя Рубен: Он еще что-нибудь купит, а потом мы опять всю ночь будем учить стихи.

Тетя Эрик: Его хотя бы на рынок послать можно. Тебя теперь за хлебом не выгонишь. *(Жанне)* Уже вторую неделю читает какого-то «фараона».

Имбецил!

Дядя Ваня: Ишак карабахский! *(Громко ржет)*. Хотите анекдот? Короче, во время застолья армянин произносит тост:

- Я с моим женой живу двадцать лет...
Сидящий рядом русский тихо подсказывает:
- Не с моим, а с моей!
- А с твоей пятнадцать лет!
(Ржет еще громче).

Экскурсовод переминается с ноги на ногу.

Берковская: Вы заткнетесь когда-нибудь? Юрочка, продолжай, мы слушаем...

Юрий: (с энтузиазмом) Ну так вот. В самом конце XVIII века на территории знаменитой бакинской крепости была построена армянская церковь Аствацацин. Ее разобрали в 30-х годах. А у самого подножия Девичьей башни, слева от нее, сохранились остатки армянской церкви, видимо, еще более ранней. Ну и наконец – теперь мы подходим к самому главному – знаменитый бакинский модерн.

Небрежным движением руки отстраняет девочку Мехрибан.

Милая, иди-ка ты отсюда!

Мехрибан покорно отходит вглубь сцены.

После того, как в городе открыли нефть сюда стали съезжаться со всех концов земли. Большая часть города возведена именно в это время. Например, Театр оперы и балета. В начале XX века его называли «Театром братьев Маиловых». Маиловы были выходцами из интеллигентной армянской семьи. Они имели свои рыбные промыслы, их называли "королями икры". Говорят, один из братьев влюбился в какую-то оперную гастролершу. Ей приходилось выступать в бакинских кафе, потому что профессиональной сцены тут не было. И тогда что?

Дядя Ваня: Изнасиловали?

Юрий: Тогда Маилов буквально за год построил для нее оперный театр. Это начало XX века! Для тех времен это рекордные сроки. Архитектором пригласили Николая Баева. Несложно догадаться, что настоящее его имя было другим – Никогайос! То есть как и Маиловы он был армянином, кстати, родственником балетной примы из Петербурга. Баев же построил и знаменитый Сабунчинский вокзал. А здание Филармонии, у которой мы стоим, возвел другой армянин, инженер Тер-Мекелов. Он вдохновлялся зданиями казино в Монте-Карло, куда был специально командирован...

На сцену выходит тетя Килия на костылях. Юрий замолкает.

Тетя Киля: Ну, времена! Что за манеры! Что за тон! (*оглядывает экскурсию*)
Что за рожи! Уроды! А, бывало... Le duc d'Orléans, le duc d'Ayen, duc de
Cognac... При них я и певала... Король меня слышал! Я как теперь все вижу...

*Идет к роялю. Прислоняет костыли к роялю. Садится. Аккомпанируя себе,
поет по-французски «Песню старой графини» из «Пиковой дамы», слегка
перевирая слова.*

*Смешная тетя Эрик, добрый дядя Рубен, пьющий дядя Ваня, авторитетная
баба Жанна, Берковская с большой грудью и маленькими ладошками
поворачиваются лицом к зрителям и закрывают руками глаза.*

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Баку. 1987

На сцене Юрий и Марк.

Юрий: Ты надолго к нам?

Марк: Уеду через день. Кажется, у меня положительно решается вопрос с командировкой в Вену. Если я стану выездным, где-то сдохнет милиционер.

Юрий: Станешь, станешь. Сейчас наступает твое время. Я это чувствую. Твое, но не наше.

Марк: Ты хорошо рассказываешь про город. Но этот нарочитый акцент на национальности архитекторов. Я просто вздрагивал каждый раз, когда ты подчеркивал их армянские корни.

Юрий: Я где-то соврал? В моем рассказе нет ни слова лжи. Я изучал источники. Все чистая правда.

Марк: Какая правда? В чем правда? Ты знаешь одну правду, а их много. И потом... Ты говорил про Сабунчинский вокзал и его армянского архитектора, но даже не упомянул Нобеля. Это смешно. Театры и вокзалы появились тут, потому что Нобели приехали в Баку и освоили нефтеносные участки в Сабунчах. Если бы они не подняли нефтепромыслы, тут не было бы ни этого театра, ни этого вокзала.

Юрий: Про Нобеля и его нефтепромыслы все и так знают. А кто знает, что из 35 бакинских нефтепроводов 20 принадлежало в начале XX века армянам? 25 водопроводов – тоже им!

Марк: И?

Юрий: Что почти половины предприятий, производящих оборудование для нефтепромыслов, были армянскими.

Марк: И что?

Юрий: Что – и что? Ничего! Я хочу, чтобы люди знали это. Хотя бы та горстка людей, которая слушает мои экскурсии. Что тут плохого?

Марк: Ты передергиваешь. Это все никем не доказано. Это был просто губернский город. Космополитичный. Ориентированный на запад. Местная

знать командировала Маркелова поглядеть на казино в Монте-Карло – еще бы... Провинция всегда тщится быть Европой больше, чем сама Европа. *(Распалаясь)* Правда в том, что этот город был не армянский, не азербайджанский, не русский, не британский. Правда в том, что интеллигент должен быть космополитом. А историк...

Юрий: Я нигде не говорил, что город был всецело армянским и не претендую на лавры историка. Я скромный экскурсовод.

Марк: Не очень скромный, как я погляжу...

Юрий резко разворачивается. Собирается уходить.

Марк: Прости... Я знаю, как это все важно для тебя.

Юрий: *(мрачно)* Мне важно только одно – восстановить исторические факты.

Марк: Восстановление исторических фактов почти всегда кончается кровью.

Юрий: Кровь тут уже много раз пролилась. О ней просто не принято помнить. Кто тут помнит армянские погромы 1918 года? Кто и где упоминает зверства башибузуков на улицах Баку? Это десятки тысяч жертв. Десятки! Вся эта навязанная Советской властью «дружба народов» – это чистое лицемерие. Ты, закоренелый антисоветчик, предлагаешь мне поверить в дружбу народов или что?

Марк: Хорошо бы вспомнить, что было тут до погромов. Мне, как антисоветчику это, увы, хорошо известно: резня армян была спровоцирована большевистским переворотом и наступлением на Гянджу, где укрывалось правительство демократического Азербайджана. Оно сопровождалось разорением мусульманских сел. Там тоже были жертвы. Это было делом рук Бакинской коммуны, а в ней – прости, что приходится тебе это напоминать – особенно активное участие принимали именно армяне. Истребление армян в Баку было ответом на действия большевиков.

Юрий *(нервно)*: А истребление турецких армян в 1915 – ответом на пророссийскую позицию армян. Чем это не объяснение? Первая мировая... Немцы в коалиции с турками воюют против России, а турецкие армяне помогают России. То есть пособничают врагу. Чего же их не истребить-то? Сами напросились. Все логично!

Марк: Никакой логики тут нет. Я просто призываю тебя сохранять объективность.

Юрий: Быть объективным – значит быть отчужденным. Я так не могу. Я знаю подробности истязаний. Я не могу и не хочу их забыть. Пепел Клааса стучит в моем сердце – да, именно так, я даже не буду извиняться за пафос. *(Горячо)* Трагедия становится трагедией, когда она осмыслена, описана в фильмах, книгах, фильмах. Шесть миллионов евреев, погибших в Холокосте – это боль всего мира, а четырнадцать миллионов китайцев, уничтоженных японскими войсками в ходе все той же Второй мировой – кто о них помнит? И знаешь, почему? Число погибших не имеет значения. Имеет значение, кто и как сумел описать эту трагедию. Люди помнят о Холокосте, потому что *вы*

сумели о себе рассказать. А мы нет. Нашу трагедию никто *так* не описал. И поэтому ее нет. Я бы мог описать. Наверное...

Марк: Так описывай! Кто тебе мешает? Ты ведешь экскурсии в столице Азербайджана и рассказываешь об армянах архитекторах.

Юрий: Я веду их полуподпольно – для друзей, знакомых, соседей. Не уверен, что это им нужно, но они добрые люди и слушают меня. Из вежливости...

Ты когда-нибудь был на обычных экскурсиях? Вот в Нагорном парке имени Кирова, был? Это любимое туристическое место, но только никто не расскажет тебе, что это бывшее армянское кладбище. И пока оно существовало, армянское население посещало его в годовщины резни. Но в 1936 году там разбили парк с памятником русскому – именно русскому! предусмотрительно, да? – большевику посередине. Парк!.. Хорошо, что не зоопарк – было бы даже интереснее. Я часто гуляю там, и лет десять назад там еще стояли остатки чудом уцелевшей армянской часовни. У нее не было купола, и ее превратили в склад уличных фонарей. Но теперь ее вовсе нет. Снесли. Я хочу, чтобы люди помнили это.

Марк: Знаешь, с чего начался немецкий фашизм? С внимательного интереса к национальным истокам, корням, потерянными территориям...

Юрий: Как интересно! А государство Израиль с чего началось?

Марк: Перестань! Это совсем другое. И оставь в покое Израиль. Это отдельная тема. Но я скажу тебе то, что никогда не говорил своим московским друзьям. Я годами вытравливал из себя годами свой собственный национализм. Я старался быть верным Пастернаку. Он как-то написал Горькому: «Мне не следовало родиться евреем».

Юрий: Пастернак был верующим христианином. Он отвергал свое еврейство как христианин. Какое отношение это имеет к тебе? Ты никогда не примыкал ни к какой религии.

Марк: И не собираюсь. Но то, как он расправляется с национализмом... Я тебе пришлю выдержки, когда вернусь в Москву. В письме своей сестре он прямо пишет: глупо верить, что народы могут строить сейчас культуру на своей сырой национальной сущности. Прости, но я согласен с Пастернаком.

Юрий: Это твой выбор. Я не могу его осуждать.

Марк: А я твой. Но твои усилия, в конце концов, приведут к катастрофе.

Юрий: Катастрофа давно случилась. Она в том, что 200 000 живущих в Баку армян забыли, кто они такие. Я опросил Ладу, как назывался раньше Нагорный Карабах. Она пожалала плечами. Она даже не слышала название «Арцах»! И это моя дочь! Это как если бы еврею ничего не говорило название Хеврон.

Марк: Господи, опять евреи! Ты просто заиклен на них. Давай сменим тему. Я не хочу ссориться перед отъездом. И я... я хотел бы зайти на могилу к Ларочке.

Юрий: Да... Я не говорил тебе. Я похоронил ее на Монтино – в армянской части кладбища. Ее русские родственники были против. Но она так хотела. Он *так* мне говорила. Мы так договорились. *(Пауза)* Я потом лягу рядом.

Марк обнимает Юрия.

Марк: Ты знаешь, что для меня это тоже потеря. Что Лада? Как она пережила смерть матери?

Юрий: Она плакала, конечно. Но она готовится к поступлению. Пропускает занятия в школе, а вместо этого читает запоем книги об искусстве. Эта страсть к знаниям... она спасительна. А чем утешиться мне, я не знаю. Лада – все, что у меня осталось. Она и ты. Ты бы задержался все же. Она так хотела увидеть тебя.

Марк: Я правда не могу.

Юрий: Меня пугает ее одержимость. Она мечтает уехать отсюда. Презирает все вокруг. И иногда мне кажется, что и меня тоже. Бредит Москвой и разговорами с тобой. Ты отбил у меня дочь. *(Смеется)*

Марк: Это юношеский максимализм. Не обращай внимания. Она умница. Она уже летом поступает?

Юрий: Да

Марк: Пусть звонит, как доберется.

Юрий: Я дал ей твой телефон. Поддержи ее.

Марк молча смотрит на Юрия и протягивает ему руку.

Затемнение.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Лада сидит на высоком барном стуле.

Голос невидимого интервьюера: Ты так и не выучила азербайджанский?

Лада: Нет, конечно.

Голос невидимого интервьюера: А армянский?

Лада: Зачем? Мы же все говорили по-русски. И в школе преподавали по-русски. И по телевизору все смотрели передачи по-русски. В этом городе жили азербайджанцы, армяне, евреи, лезгины, немцы, но русский язык был «лингва франка». Все вокруг говорили на нем со смешным певучим акцентом. Он ужасно меня раздражал. Этот акцент... Я старалась говорить так, как говорят русские дикторы в телевизоре. Я чувствовала себя русским человеком, по воле случая заброшенного в иноязычную окраину.

Москва была для меня заветной мечтой, небесным градом. Я бежала в нее от знакомых, друзей, соседей. А они потом сами бежали от погромов.

Некоторые в халатах и домашних тапочках. Тогда не было ни мобильной связи, ни интернета. И они просто растворились для меня в небытии.

Девочка Мехрибан: Ты и не пыталась их найти.

Лада: *(нервно)* Что? А, да... Я боюсь видеться с прошлым.

Девочки Мехрибан: Боишься. Как тетю Килю. Помнишь, как мы бегали от нее. Вот так прятались за дверь, потом она проходила, а мы бежали по коридору.

Лада: Я забыла. Прости!

Девочка Мехрибан: Как это можно забыть? Мне кажется иногда, что ты и меня забыла

Лада: Нет. Тебя я помню.

Затемнение.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Баку. 1990

Юрий сидит на диване в пледе и тапочках. Рядом девочка Мехрибан. Слышно, как тетя Килья играет на рояле и поет русские романсы.

Девочка Мехрибан: Какая дура! Даже сейчас не может заткнуться. Ненавижу ее!

Юрий: За что?

Девочка Мехрибан: Она воняет. Лада тоже ее боялась. Она говорила, что так выглядят ведьмы из одной английской пьесы. Не помню названия. А вы видели, что она летом творит? Садится на балконе в нижнем белье и поет. Мальчишки раньше бросали снизу в нее комья грязи.

Юрий: Попадали?

Девочка Мехрибан: Нет, не долетало до третьего этажа. Ничего... сейчас долетит, чувствую. И до нас тоже долетит...

Юрий: Ты знаешь, что с ней было в детстве?

Девочка Мехрибан: Мне говорили, что она болела.

Юрий: Полиомиелит, да. Я не об этом

Девочка Мехрибан: На голову она болела. Имбецилка! Мы с Ладой такое видели... Мы зашли в гости к Берковской, а Килька вышла со своим ночным горшком, пошла на их общую кухню и вылила вот это все в раковину.

Юрий: *(насмешливо)* Ты уверена?

Девочка Мехрибан: Ну может не в раковину, но она все время ходит с этим своим горшком.

Юрий: Когда ей было столько, сколько тебе, она осталась одна. Шла война... Всех ее родственников выселили.

Девочка Мехрибан: За что?

Юрий: Это называется депортация.

Девочка Мехрибан: Они были преступниками?

Юрий: Они были просто немцами. У нас шла война с немцами.

Девочка Мехрибан: Это я знаю. К нам ветераны приходят на День победы.

Юрий: Это были наши немцы, понимаешь? Они никогда не жили в Германии. Они жили тут – не в Баку, а в где-то в Ханларском районе, кажется. А осенью 41-го всех немцев, которые жили комуннами ...

Девочка Мехрибан: Как?

Юрий: Ну колхозами, в общем – их стали выселять. Боялись, что если немецкие войска продвинутся сюда, они будут помогать своим... Советские солдаты брали поселение в кольцо, чтобы никто не сбежал, грузили их в грузовики и везли до Кировабада.

Двочка Мехрибан: (*возбуждаясь*) Не до Кировабада, а до Гянджи! Этот город так называется! Мне Кямран говорил. Русские переименовали наши города. Но мы вернем названия. Вот уже скоро – все вернем!

Юрий: Да, прости! Конечно, в Гянджу. Потом в товарных вагонах в Баку, а потом из Баку на баржах до Красноводска. Никто не знал, куда их везут. Многие впервые видели море и большие волны. Им обещали, что они вернутся через две-три недели. Но никто не вернулся.

Девочка Мехрибан: А Кильку чего же с ними не увезли? Лучше бы ее увезли. А других оставили.

Юрий: Мать отправила ее летом 41-го в Баку к своей русской подруге, пытались найти ей тут хорошего врача. Всех увезли, а Килька – смешно ты ее называешь – осталась. Кажется, подруга была из бывших...

Двочка Мехрибан: Каких бывших?

Юрий: Ну просто – из бывших. Так говорили после революции про бывших дворян. Она учила девочку языкам, музыке... Дала ей свою фамилию. Но Киля – не Клавдия вовсе. Она Цецилия. Я даже выяснил, как звали ее отца – Карл Христофорович Кох!

Девочка Мехрибан: Ну вы даете! Выяснили, как звали отца этой придурочной? Зачем вам это?

Юрий: Я интересуюсь историей.

Девочка Мехрибан: Мой брат тоже интересуется. Он тоже говорил мне, что советская власть преступная. Что наше настоящее правительство в Гяндже разогнали большевики, а его руководителя потом убили армяне. Он запретил мне об этом разговаривать в школе. Но сейчас так уже все говорят.

Слышен грохот опрокидываемой мебели. Тетя Киля прекращает музицирование.

Девочка Мехрибан: О! К Кильке пришли. Тоже армян ищут. Вот дураки! Откуда у нее армяне? Хорошо, что вы перебрались сейчас в нашу квартиру. А то вам досталось бы...

Юрий: Давай я расскажу тебе про один город.

Девочка Мехрибан: Про Баку? Лада говорила, что вы водите экскурсии.

Юрий: Он называется Александрия. Слышала?

Мехрибан: Нет. Где это?

Юрий: В Египте. Его основал великий полководец Александр Македонский. Он, кстати, там и похоронен. Вот представь – две с лишним тысячи лет назад

на берегу моря, похожего на Каспий, стоял величественный город – с мостовыми, парками, театрами, ипподромами, водопроводами. Даже уличное освещение там было. В огромной Римской империи ничто не могло сравниться с Александрией. Даже сам Рим. Ты слышала про Семь чудес света?

Девочка Мехрибан: Ага!

Юрий: Два из этих семи чудес находились там – Александрийский маяк и Александрийская библиотека. И кто тут только не жил – греки, арабы, персы, египтяне. Совершенно как в Баку в начале нашего века. А еще там жили иудеи. Они тоже полюбили Александрию. Они соблюдали свои религиозные законы, но могли делать тут карьеру. И так продолжалось несколько столетий. Пока в прекрасной Александрии не случился первый в мировой истории еврейский погром. В Риме в то время правил император Калигула...

Раздается звонок городского телефона.

Девочка Мехрибан: Это брат! (*Снимает трубку*). Да! Привет! Да, он у нас еще. Мы болтаем. (*Пауза*) Я поняла. (*Юрию*) Кямран говорит, что должен быть паром. Он говорит, что вы должны через 15 минут выйти и сесть к нему в машину. Он вас отвезет.

Юрий хватает трубку.

Юрий: Послушайте, я очень вам благодарен... Но я не могу уехать вот так. В квартире библиотека, документы, письма, Ларочкины фотографии. Я должен туда зайти. Или вы зайдете вместо меня. Да-да, так будет лучше... (*Пауза. Мрачно*) Хорошо! Я вас понял! (*Пауза*) Да-да, конечно. Просто сразу уезжаем. Спасибо вам!

Затемнение.

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

Дядя Ваня: Берковская, конечно, отвалила первая. В самом конце 80-х, еще до бакинских погромов. По еврейской линии. И Гейдарчика своего с собой увезла. Отношения с ним оформила. У нее вроде бы кто-то из родственников-евреев работал врачом скорой помощи в Сумгаите. И когда там все полыхнуло в 1988-м, когда начались первые армянские погромы этот родственник возил трупы в морг. Порассказал ей ужасов. Про вспоротые животы... про отрезанные руки... В общем, они полетели в Москву, пошли в американское посольство. И им сразу дали статус беженцев. За что? Какие они беженцы! Кто их тут притеснял? У нее ни капли армянской крови. Гейдарчик ее вообще азербайджанец. Взятки брал всю жизнь, она как сыр в масле каталась. И вот пожалуйста – беженцы. Умеют они устраиваться, конечно.

Берковская. Я Рубену сто раз говорила – бегите, чего вы ждете? Ну Юрочка будет тут до конца, он не уедет от могилы жены. А вы чего? Тут будет второй Сумгаит. Вас с Эрик даже не по паспорту вычислят, вас по лицам за версту видно с вашими армянскими носами. Ваши соплеменники в Ереване те еще умники. Карабах им понадобился. На то, что будет с армянами диаспоры, им наплевать. Выгнали азербайджанцев из каких-то приграничных деревень. Простые люди. Голодные, невымытые, озверевшие. Конечно, они пришли правды искать в Баку. А куда было им идти? Я их дикость не оправдываю, но ереванских армян я все время хочу спросить: мозг можно было включить? Вы чего натворили, вообще? Имбецилы! 200 тысяч изгнанных бакинских армян стали разменной монетой за вашу национальную гордость и кусок земли.

Тетя Эрик: Я давно поняла, что надо уезжать. Но куда. И как? Самолетом было нельзя, потому что проверяли паспорта, а у нас там армянские фамилии. Кто успел, уехал паромом. Но паромы уже не ходили. Мы поехали на Сабунчинский вокзал. Там нас окружили азербайджанские женщины. Их было очень много. Они стали нас избивать. Не нас одних. Там было много людей, которые хотели уехать. Но всех армян сразу опознавали, по лицам, по носам, наверное – не знаю. У меня вырвали серьги из ушей, а Рубену всадили в спину нож. Но день был холодный, дул пронизывающий бакинский ветер, он надел два свитера, а поверх еще дубленку. Его совсем чуть-чуть задело. Совсем немного было крови. Пришлось вернуться домой, ждать подмоги от русских войск.

Дядя Рубен: Сколько буду жить, не забуду эту картину... Мы выходим из своего дома под охраной двух автоматчиков. Кое-кто из наших соседей-азербайджанцев смотрел на нас со слезами на глазах. Не все ведь были скоты – среди них и нормальные люди были, например, соседи — из тех, которых я лечил. Обращались в любое время суток, я никогда никому не отказывал. Эти люди стояли и плакали, но ничего не могли сделать. Мы кивком попрощались с ними и сели в бронетранспортер и нас повезли в Солянские казармы. Нас было примерно 250 человек. Нам выделили маты – для детей и стариков. Остальные спали сидя.

Казармы были последним оплотом для оставшихся в городе армян. Их окружили сотни, тысячи разъяренных азербайджанцев. Машины стояли плотным кольцом. Мы были в ловушке.

На наших глазах у женщины помутился рассудок. Она попала сюда с дочкой, у которой были переломаны обе ноги. Они прыгали с балкона, спасаясь от толпы. Мать прыгнула удачно, а дочь нет. Хорошо хоть, у нас обезболивающие были, мы давали девочке. А отец не успел прыгнуть. Им все время говорили, что он приедет, что он где-то, у кого-то... Но потом кто-то сказал, что его убили.

Единственное, о чем мы все время думали, — почему Москва не принимает меры? Солдаты какое-то время могли держать оборону, но это двадцать, тридцать, пятьдесят человек. А тех, кто окружил казармы, — сотни.

Баба Жанна: Войска, посланные Москвой, вошли в город, когда уже все было закончено. Зачем надо было их вводить? Зачем было брать город, как вражескую крепость? Каких армян они собирались тут спасать? 19 января, все кто хотел спастись, уже уехали. Всех, кого убили, уже было не вернуть. Просто в Кремле боялись, что Народный фронт Азербайджана свергнет в Баку советскую власть. Но после той мясорубки, что они устроили, Советская власть была обречена. Вот я все слышу Горбачев-Горбачев, автор перестройки. Да зачем нам сдалась эта перестройка? Жили спокойно, дружно. А потом все вокруг правды начали искать. И доискались до того, что пришлось людей танками давить. Утром 20 января асфальт был залит кровью от искореженных тел. И не только азербайджанцы там погибли, там разные национальности пострадали. Говорят, девочку одну там раздавили. Я сама не знаю точно, но говорят...

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

1997. БАКУ

Марк и тетя Киля встречаются на лестничной клетке.

Марк: Простите, я бывал тут когда-то.

Тетя Киля: Тут кто только не бывал. Проходи давай!

Марк: Вы знаете, кто теперь живет в этой квартире.

Тетя Киля: Люди. Везде живут люди. От них спасения нет. Снуют, как тараканы. Вот идешь ты по улице Видади, а там церковь православная.

Простая такая. Не церковь даже, а дом и к нему купол с крестом приделан.

Заходишь, и там тоже люди. Мерзкие бессмысленные. Умные люди уехали.

Убежали отсюда, не выдержали. Да и не было тут умных. Этот твой тоже уехал. Сбежал. Все, кто мог, сбежали.

Марк: Я никого не могу найти. Только вас вот и нашел. Как вы думаете, в их квартиру можно зайти?

Киля: Что собираешься там искать? Там ничего нет. Новые жильцы все вынесли на помойку. Даже сервант. Я прибрала кое-что.

Марк: Что?

Киля: Сейчас подожди. *(Заходит в квартиру, через щель протягивает пачку бумаг).* Забирай!

Марк хватает пачку. Рассматривает.

Марк: Это дневники? Или подождите... еще и письма, что ли... Ох ты, боже мой! Спасибо, Цецилия Карловна!

Киля: Что?? Как ты сказал?

Марк: Юрий сказал мне, что вас зовут Цецилия Карловна.

Киля: Никак меня не зовут. Дурак твой Юрий. *(Вдруг начинает говорить словно бы не своим голосом)*. Откуда я и кто я — не знаю... Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю. Не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Ничего не знаю. Я только вижу, что вы никого не можете любить.

Марк оторопело смотрит на Килю.

Марк: Вы... Подождите... Это же...

Тетя Киля: А ну шуруй давай отсюда. Давай-давай. И письма эти забирай. Они мне тут не нужны. Своего хранить негде.

Марк уходит. Берет одно из писем. Распечатывает.

Письмо Юрия

«Я все же решил написать тебе. Не знаю, отправлю или нет, но мне надо кому-то это рассказать.

Я плакал только что и не стесняюсь в этом признаться. Полчаса назад мне позвонила Лада. Она была как будто полусонная. Я сразу почувствовал, что она не очень хочет говорить со мной, а звонит просто потому, что я прислал телеграмму с просьбой о помощи. Она говорила нехотя, устало, отвечала неохотно. Сказала все вежливые слова, но маялась и маялась. Она была какой-то чужой, моя архи-любимая дочь. Меня вдруг охватила потерянности. Я живу тут совсем один. Сердце пошаливает, мне иногда даже сложно выйти из дома. Соседи помогают и еще одна трогательная девочка. Азербайджанка – представь себе! У нее чудесное имя – Мехрибан! Она прибилась ко мне в последние два года. Какая-то младшая подружка Лады школьных времен, очень к ней привязалась, мечтает уехать к ней в Москву, пишет ей письма, но, как и я, не получает ответа. Теперь мы оба заменяем друг другу Ладу. Мехрибан приходит ко мне и приносит еду, я взамен рассказываю ей какие-то исторические байки. Забавно, да?

А Ларочка приходит только по ночам. Вчера пришла опять – в этом своем кримпленовом платье с большими цветами. Я во сне знал, что она умерла. И она тоже это знала. Я говорил ей: ты не волнуйся, я теперь стал известным автором, мои статьи печатают в столичных журналах, и у меня есть деньги, чтобы спасти тебя. Я отвезу тебя в Москву к лучшим врачам, и ты никогда уже больше не умрешь. Она соглашалась и тихо гладила меня по голове. Это сны неудачника, я знаю.

Все, что я сочинил, никому не нужно. Я посылал свои тексты в «Новый мир», в «Знамя», но мне даже не отвечали. Моя жизнь потрачена на чепуху. Но все же я напишу тебе что-то. Мы не dospорили в последний раз, а ты очень зае до подробностей. Сейчас уже не нужен самиздат. Все опубликовано. Так дел меня своим рассказом о Пастернаке. Я стал докапываться до истины.

Точнвот: Пастернак действительно писал нечто похожее в письме своей кузене Фрейденберг. И знаешь, когда он это писал? В 1946 году, 12 октября! Меня это потрясло. Совсем недавно закончилась война, но это бы ладно, буквально двенадцать дней назад, 1 октября того же 1946 года, закончился Нюрнбергский процесс. Освенцим, Майданек, эксперименты доктора Менгеле, Бабий Яр – все это было не просто на слуху, это была основная повестка времени. И именно в эти дни (ты понимаешь? ровно в эти дни!) великий поэт сообщает сестре, что он «сводит счеты с еврейством».

Я стал мучительно искать у него хотя бы одно упоминание о Холокосте. Не в этом письме, а вообще, хоть где-нибудь. И нет, я не нашел ничего. Ни одного слова о том, о чем все порядочные люди просто физически не могли в то время не думать. Может быть, я плохо искал. Но похоже тут и невозможно ничего найти. И об антисемитской борьбе с «безродными космополитами» в самом СССР у него тоже нигде ни слова.

Я долгое время не мог примирить свое поклонение перед Пастернаком и все эти факты. Ты наверняка напишешь мне об этом много умных слов, а у меня найдется только одно не очень умное. Это предательство, Марк. И неважно, почему оно случилось – от страха, что вряд ли, или от высокомерия – что скорее всего. Я преклоняюсь перед Пастернаком и люблю тебя, но предательства простить не могу. Потому что есть то, что можно назвать «родным», и у этого родного есть звук, цвет, запах, нечто почти физически осязаемое – от него невозможно, преступно отречься, как невозможно отречься от сына, матери, любимой женщины.

Если ты видишься в Москве с Ладой, не говори ей об этом письме. Пусть все, что я рассказал, будет случайным чем-то. Я все ей простил уже. Но горечь остаётся и помнится.

Твой всегда,

Юра

ИНТЕРМЕДИЯ ТРЕТЬЯ

Кямран: Я сто раз спрашивал себя, как так получилось, что его я спас, а ее не уберег. Я спрашивал себя, готов ли я был бы поменять их местами. И, конечно, я знаю, что готов. Мне совсем не стыдно так думать. А она до сих пор является ко мне – наивная, привязчивая. Я ее даже немного ревновал к нему. Особенно когда он заводил с ней свои дурацкие разговоры про историю. Она моя сестра, пусть слушает мои рассказы.

Что понесло ее на этот митинг Народного фронта? Мозгов еще было мало, а любопытства – море.

Я искал ее всю ночь. Один, родители были в отъезде. Сначала ходил по улицам, потом по больницам. Как ошалелый переходил из палаты в палату. Вокруг шум, крики, кровь, вместо освещения люди зажигали газеты. Не нашел. А соседи нашли. Отвезли домой из морга. Когда я вернулся, увидел ее тело в распахнутом пальто, остатки битого стекла на нем. Думаю, она села после митинга в какой-то автобус, который потом расстреляли. Да какая к черту разница, как оно было! Ее просто больше нет. А я есть.

Если бы не этот Черный январь, я бы, может быть, так и не уехал из Баку. Я любил этот город. Мы ходили с друзьями в кинотеатр «Вятян». Гуляли по набережной, которую в Баку почему-то называли бульваром. Кино и набережная – это были центральные места моего поколения, потому что в 90-е ходить было больше некуда. Все кругом закрывалось и исчезало. Прежняя жизнь исчезала. А новая просачивалась лишь изредка тонкой струйкой. Я дружил с киношниками, и они сообщили как-то по секрету, что на киностудию для дубляжа привезли на огромных бобинах фильм Серджионе Леоне «Однажды в Америке». Мы с друзьями ночью ринулись на киностудию и прожили за эту ночь целую жизнь, в которой была великая дружба, оглушительное предательство и горькая любовь. Я ревел в финале. А под утро в Баку пошел первый снег. В Москве не бывает такого. Этот «одноночный» снег. Мы до утра бегали по улицам, лепили снеговиков, бросались снежками, от смеха падали на сугробы, потому что знали – к утру он растает. Утром от него останутся только слякоть и грязь.

Это было странное время. Я хотел поступать в Москву в киноинститут. И вдруг все рухнуло! Страна распалась, мы стали никому не нужны. Я жить не мог без кино и театра, а киностудию в Баку закрыли. Время как будто отторгало нас. Я потерял всех друзей – кто-то уехал, кто-то погиб, кто-то спился. Но то, что нас не убило, сделало нас сильнее...

Я всегда оглядываюсь на свои следы, когда иду по первому снегу.

Мехрибан в красном галстуке подходит к роялю, за которым сидит тетя Кили. Мехрибан становится солисткой хора, а хором выступают соседи – тетя Эрик, Жора, Ваня, Берковская, баба Жанна.

Под аккомпанемент тети Кили и они исполняют песню «Прекрасное далеко».

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

2007 Москва

Кямран выходит на сцену с книгой, читает с выражением, как на театральной репетиции

Кямран: «Передо мной лежали, по сути дела, не один, а два города, сросшиеся, как две половины ореховой скорлупы. Скорлупой был внешний город, лежащий по другую сторону древней крепостной стены. Улицы в том городе были широкие, дома – высокие, а люди алчные и суетливые. Во внешнем городе были театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские, красивые женщины с обнаженными плечами. Граница между Европой и Азией тоже проходила по внешнему городу.

А по эту сторону крепостных стен улицы были узкими и кривыми, как восточный кинжал. Если там, за крепостной стеной, в небо вонзались вышки нефтяных промыслов Нобеля, то здесь – в пушистые облака возносились минареты мечетей».

Входит, с интересом озираясь вокруг, Марк

Марк: Добрый вечер! Простите, я проходил мимо и заметил афиши. Я даже не знал, что неподалеку от моего дома есть театр – да еще с таким необычным названием. Что значит «Вятан»?

Кямран (*отрываясь от текста, чуть растерянно*): Родина. «Вятан» значит – родина. Мы совсем недавно открылись. Как вы проникли сюда?

Марк: Не знаю, дверь была открыта.

Кямран: Я сто раз просил всех работников театра закрывать двери, когда уходят.

Марк: Но вы же еще тут, вот они и не закрыли.

Кямран: Я тут живу. Они это знают.

Марк: Вы сторож?

Кямран: С чего вы взяли? Я режиссер. Просто я часто ночую тут. Вот там в кабинете у меня есть диванчик.

Марк: Вы простите, что я так нагло вторгся к вам...

Кямран: Да ничего. Мне даже приятно. У нас тут пока немного зрителей. Хотите чаю?

Марк: О, спасибо! Не откажусь! Москва – удивительный город. Тут можно найти театр в любой подворотне. Меня всегда это забавляло.

Кямран: А меня восхищало. Я приехал сюда именно потому, что тут все заняты театром. (*Протягивает руку для знакомства*). Кямран.

Марк (*пожимая руку*): Марк. Позволю себе угадать – вы приехали из Баку.

Кямран: Вы правильно угадали. (*Начинает заваривать чай*)

Марк: Я помню эти стаканы. Как они называются...

Кямран: Армуды.

Марк: Да-да, точно! Я, собственно, зашел, потому что увидел на афише название романа – «Али и Нино». Занятное произведение. Я давно его для себя открыл. И автор... занятный. Он помог мне какими-то новыми глазами взглянуть на ваш город. Я любил бывать в нем когда-то.

Кямран: Я тоже любил его, пока меня не вышвырнули оттуда. После того, как тебе отобьют почки, любовь быстро улетучивается.

Марк: И давно вы оттуда уехали?

Кямран: В начале нулевых. Когда власть в 1993 вновь перешла к чекисту Алиеву, я еще на что-то надеялся. Хотя на что тут было надеяться! Это же уму непостижимо. Бывший глава компартии Азербайджана через три года после падения коммунистов вновь становится президентом Азербайджана. А когда он через десять лет передал трон своему сыну, все стало ясно. Это просто восточная деспотия. Какая разница советская она или антисоветская. Все наши иллюзии про свободный Азербайджан развеялись как дым. Я заплатил за них жизнью. К сожалению, не своей, а ребенка.

Марк: Боже мой! Ребенка? У вас погиб ребенок?

Кямран: Сестра. Она была еще ребенком. Погибла в давке, когда в город вошли русские танки.

Марк: Соболезную. Как вы решились после этого переехать в Москву. Я бы не смог.

Кямран: Я тоже думал, что не смогу. Но я сейчас иначе смотрю на вещи. Я приехал туда, где можно свободно дышать.

Марк: Это вы тут собираетесь свободно дышать? Смешно вас слушать. Вам рассказать, что тут происходит?

Кямран: Только не говорите мне про деспотизм. Вы не знаете, что это такое. У вас тут свобода! А у нас оппозиция уничтожена, аресты, тайная полиция. Я чудом уцелел.

Марк: У нас будет то же самое. Дайте срок. *(Иронически)* По секрету сообщу вам, что наш нынешний президент тоже чекист.

Кямран: Вы никогда не жили в Баку, а сравниваете. Еще раз вам говорю – у вас тут свободный мир. Газеты критикуют власть. В интернете все пишут, что попало. И потом в Москве от любого ужаса можно спрятаться в театре. А у нас он сейчас никому не нужен.

Марк: Я смотрю вы очаровываетесь Москвой. Не очаровывайтесь, никогда ничем не очаровывайтесь. Почему вам отбили почки?

Кямран: Сделал ставку не на ту лошадку. Я был членом «Мусавата». Сначала арестовали лидера партии, а потом и мне досталось. Я никогда не хотел заниматься политикой. Но само название «Мусават»...

Марк: Это какое-то важное слово?

Кямран: Оно означает «равенство», но дело не в слове. Слова – это просто слова, а «Мусават» – это наша история. У нас была уже партия с таким названием. И благодаря ей примерно сто лет назад мы стали *первой* демократической страной в мусульманском мире. Понимаете – *первой!* *(Вдохновенно)* Всего два года независимости – между 1918 и 1920. И это два года, когда европейская демократия и исламская цивилизация шли в Азербайджане рука об руку. Потом большевики войдут в Баку уничтожат даже воспоминание о свободе. Но идеал-то остался!

Марк: А вы идеалист, как я посмотрю. Это опасно. Я – уж извините – побаиваюсь идеалистов. Особенно если они готовы проливать кровь за свои идеалы.

Кямран: Я, как видите, не готов. Я сбежал, когда только дело запахло для меня жареным.

Марк: Вот и правильно!

Кямран: Не уверен. Но мне тут хорошо. Я сразу после ее гибели решил, что у меня никогда не будет семьи. А теперь у меня нет еще и родины. Зато есть театр. Это меня спасает. Тут можно выпрыгнуть из своего времени и жить в том, в котором хотелось бы. Я потому и стал ставить «Али и Нино».

(Начинает с выражением читать наизусть). «Али хан Ширваншир погиб в 5 часов 15 минут на гянджинском мосту, на своём посту за пулемётом. Его тело упало в сухое русло реки. Ночью я спустился, чтобы спасти его. Оно было пробито восемью пулями. Мы похоронили его рано утром во дворе мечети, как раз перед тем, как русские перешли к последнему наступлению. Наша республика погибла, как погиб Али хан Ширваншир».

(Утирает слезы). Я влюбился в тот город, который тут описан. В ту страну, которую мы потеряли. В главного героя. В автора.

Марк: Даже в автора?

Кямран: Да, в него особенно.

Марк: Неужели в этого Калиостро XX века можно влюбиться. Хотя соглашусь, личностью он был незаурядной. Все же родиться в семье правоверных иудеев, а потом принять ислам мало кому под силу. Но это бы ладно! Меня поразило, что в конце жизни он переехал в Италию и надеялся стать биографом Муссолини.

Кямран: В каком смысле? Я не понимаю вас. При чем тут иудеи? «Али и Нино» написал Юсиф Везиров, он азербайджанец до мозга костей, потомок визирей Карабахского ханства. И он никогда не был в Италии. Вот во Франции был. Уехал туда после вторжения большевиков, но потом вернулся на свою беду – был репрессирован и умер в советских лагерях. Он мой идеал!

Марк: Еще один идеал!

Кямран: Почему он не может стать моим идеалом? Он был истинным интеллигентом. Первым послом демократического Азербайджана в Османской империи. Человеком, переводившим на азербайджанский русскую классику.

Марк: Какая красивая сказка!

Кямран: Почему же сказка? Это все уже широко известно.

Марк: Мне очень не хотелось бы вас разочаровывать, но роман «Али и Нино», который я, как и вы, высоко ценю, написал совсем другой человек. Он написал его по-немецки и издал впервые в Вене. Я читал его по-немецки, когда вы даже не подозревали о его существовании, молодой человек. А родился он в Киеве...

Кямран: Этого не может быть.

Марк: Почему же? Есть серьезные исследования, подтверждающие, что за псевдонимом Курбан-Саид скрывался Лев Нуссенбаум. Я допускаю, что ваш «идеал» был неплохим литератором и достойным человеком, но правда увы именно такова – книжка, ставшая классикой азербайджанской литературы, написана не азербайджанским просветителем, а человеком, рожденным в Киеве в иудейской семье, окончившим школу в Баку и принявшим ислам уже в Европе. Он был великолепным мистификатором и удивительно одаренной

личностью, снискал большой успех в Веймарской республике, но в годы нацизма эмигрировал в Италию...

Кямран: Это неправда. Я не верю ни одному вашему слову.

Марк (*продолжая холодным голосом*): В нем было ни капли азербайджанской крови, и он не имел никакого отношения к людям, которые строили демократический Азербайджан. Сказки про авторство Везирова – это выдумка вашей авторитарной власти, которую она активно насаждает через СМИ. Комично, что в этом вопросе вы поддерживаете тех, кто отбил вам почки.

Кямран: Я никого не поддерживаю. Но я читал совсем другие исследования.

Марк (*насмешливо*): Я понимаю, что демократическому Азербайджану нужны литературные мифы так же, как и авторитарному, но все же...

Кямран: Простите, я бы закончил на этом разговор!

Марк: Знаете, как писал Пастернак: нельзя строить культуру на сырой национальной сущности.

Кямран (*резко*): А ну убирайтесь-ка отсюда!

Марк: Я, конечно, уйду, но зачем же так грубить.

Кямран: Вы вторглись в мой театр, в мой дом, в мой мир и хотите разрушить его. Я вам этого не позволю.

Марк: Я лишь пытался развеять мифы.

Кямран (*переходя на крик*): Убирайся вон, я сказал!

Марк отступает вглубь сцены. Кямран садится за стол и обхватывает голову руками.

Затемнение

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Лада сидит на высоком барном стуле.

Голос невидимого интервьюера: Неужели тебя не очаровывал весь этот восточный колорит? Ты не скучала по нему в Москве?

Лада: Ааа... очарование местечек? Их легко любить вчуже. В действительности этот колорит заслоняется нечистотами, терпкими запахами мусоровозок. Я помню, как зимой на мои сапоги налипали огромные комки грязи. Их невозможно было отмыть, только счистить ножом. Душный отвратительный совок. Восточный колорит делал эту советскость еще более отвратительной. Продавцы тут всегда недодавали сдачу. Покупаешь стакан кваса за три копейки, протягиваешь пять, сдачу тебе уже не дадут. Две копейки – это как бы такой налог на покупку. Не хочешь – не бери! В магазинах уже в конце 70-х пустые полки были заполнены какими-то консервами. Все остальное надо было покупать на рынке втридорога или из-

под полы – еще дороже. Талонную систему ввели тоже в 70-х. Килограмм мяса на человека в месяц. За ним приходилось стоять в длинных очередях, зажав в руке эти талоны. Москва 70-х была для нас продуктовым раем. Мы даже не роптали. Мы понимали – столица должна жить лучше, чем провинция. Там, в Москве, люди не такие, как мы. Они лучше, чем мы. Они умнее, чем мы. Если мы будем хорошо себя вести, то нам, может быть, тоже удастся стать москвичом.

Когда к нам приезжал Марк, он всегда привозил нам колбасу и голландский сыр. Мы радовались, как дети. А еще он привозил самиздат. Он был единственным моим собеседником. С остальными говорить было не о чем. Иногда мы сбегали с ним на пляж. Каспий был теплым... В самом городе он пахнет нефтью, а если отъехать километров на тридцать, начинаются райские пейзажи с песчаными берегами и изумрудной водой. Но я не чувствовала с этим городом ни родства, ни общности. Я хотела поскорее забыть его...

Голос невидимого интервьюера: Что ты испытала, когда все разразилось?

Лада: Ничего. Это был чужой мир. Я смотрела на фотографии этих несчастных и почти не находила там интеллигентных лиц. Лица были простые старообразные.

Мне было в общем все равно, что происходит с этими людьми, которые не читают тех книг, что читаю я. Я знала – я перееду в Москву, столицу мира, и там встречу тех людей, чей кругозор ограничен ценами на продукты в соседнем рынке и отношениями с бабой Жанной из седьмой квартиры. В моем мире их переживания были не дороже тухлых баклажанов. Соседи почему-то называли их демьянки. Откуда эти украинские слова в Баку. Забавно...

Затемнение

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Москва. 2014 год

Звонок в дверь.

Марк (*открывает*): Здравствуйте. Вы по поводу квартиры, как я понимаю.

Лада: Да. Можно и так сказать

Марк (*иронично*): А можно и по-другому? Ну проходите. Сразу предупреждаю, ремонта тут давно не было, кухня небольшая, но уютная. Паркет в нормальном состоянии. Вот эта комната была большой, но мы разделили ее на две, получились две спальни. Вы можете снести перегородку и получится одна большая гостиная. Если вы хотите поторговаться, я готов.

Лада долго рассматривает стены квартиры.

Лада: У вас плакаты 20-х годов. Это подлинники?

Марк: Да, вот эти мейерхольдовские я заберу собой! Надеюсь, протащу через таможеню. И еще есть какие-то раритетные вещи, но их совсем трудно вывозить, так что мы можем договориться сразу и о них. И о какой-то мебели. Вот это, например, стол из квартиры Ахматовой. Вероятно, она писала за ним «Поэму без героя».

Лада: (*трогает стол*) Да, я помню ваши рассказы о квартире Ахматовой.

Марк: В каком смысле?

Лада: Вы рассказывали об этом отцу, когда мы встречались в Баку. Еще мама была жива. А потом, когда мы с вами ездили на каспийские пляжи загород вы рассказывали о самой Ахматовой.

Марк (*пристально смотрит на Ладу*): Подождите. Этого не может быть.

Лада: Почему же? Бывает и не такое. Вы очень постарели – простите.

Марк (*в смущении, но пытается парировать*): Вы тоже не помолодели.

Лада: Я повзрослела. Но все же до сих пор по-детски дрожу, видя вас. Я не надеялась, что когда-то попаду в вашу квартиру.

Марк (*некоторое время вглядывается куда-то в пространство*): Послушай, я не узнал тебя – прошло 25 лет. Нет, даже больше. Но я очень рад тебя видеть. Очень и очень. Ты садись. Ты голодная? У меня есть что-то пожевать.

Лада: Нет, спасибо.

Марк: Это странно, что ты никак не объявлялась, хотя жила в Москве. Я же правильно понимаю, что ты жила тут.

Лада: Я переехала в Москву за два года до погромов. Поступила в институт...

Марк: Все же поступила? Молодец! Я сразу сказал Юре, что верю в тебя.

Лада: Отец дал мне ваш адрес и телефон. Я часто бродила возле вашего дома. Заглядывала в окна, пыталась понять, какое из них ваше. Как-то раз я видела, как вышли из подъезда с какой-то незнакомой мне женщиной. Вы обнимали ее за талию. Вы оба были очень счастливыми, я стояла с подсматривала из-за дерева.

Марк: Какие глупости! Ты могла позвонить. Зайти в гости.

Лада: Я звонила вам. Раза три или четыре. Вы каждый раз говорили, что очень заняты, и просили перезвонить. Потом я перестала.

Марк: Да? Я не помню ничего такого. Я очень плохо поступил, если ты сейчас говоришь правду. Но я наверняка действительно был занят. Надо было позвонить пятый раз. Шестой.

Лада: Не надо! Вы знаете, что такое для девочки из Баку вот эта московская интеллигенция, в доме которой стоит стол Ахматовой? Я по несколько часов готовилась к каждому звонку. И каждый раз, когда вы говорили, что очень заняты, вешала трубку, садилась на корточки и сидела так, обхватив голову руками.

Марк: Ну полно! Что за надрыв! Я вовсе не хотел тебя обидеть тогда. Это было что-то невольное. *(Пауза)* Послушай... Я должен спросить тебя о чем-то. Я не знаю, как начать...

Лада: Можете не спрашивать. Мне сказали, что он умер на пароме. Сердце. Но я узнала обо всем позже, когда его уже похоронили родственники в Красноводске. Не было никакой информации. И жилья у меня толком не было. Я скиталась по Москве – от одних друзей к другим, и никто из прошлой жизни не мог бы найти меня, даже если бы хотел. Но никто наверняка и не хотел. Я оборвала связи с этим городом. Я всегда не любила его, а после случившегося постаралась забыть о нем навсегда.

Марк: Ты туда не возвращалась больше?

Лада: Нет, это было опасно.

Марк *(задумчиво)*: Там могила Ларочки.

Лада: Никакой могилы там нет. Папа похоронил маму на армянском кладбище. Оно было уничтожено бульдозерами, потому что оно армянское. Даже следов не осталось. И библиотеки нашей не осталось, и семейного архива. Ни одной фотографии. Все вынесли на помойку. Я иногда закрываю глаза и пытаюсь вспомнить их лица. Я делаю это упражнение каждый день. И с каждым днем это все сложнее.

Марк: Я помню лицо твоей матери, даже не закрывая глаз. После всего случившегося и сам перестал туда ездить. Был только один раз, по делам.

Лада: Знаете, я вспоминаю воодушевление в столичных кругах накануне бакинских погромов. Сколько было восторгов. Ах, в журнале «Знамя» напечатали Замятина! Ах, скоро будет напечатан Бердяев! Ах мне уже разрешили командировку в Париж! Это все были наши интеллигентские радости. Пока открывали границы и архивы, в глубине общества зрели какие-то страшные подспудные силы. Как во время землетрясения. Люди ходят по земной коре, а где-то в глубине магма уже устремилась к поверхности. Никто не думал об этой магме. О простых людях, чья жизнь оказалась похоронена под завалами ненавистной нам советской империи.

Марк: Ты полагаешь, мы чем-то перед ними виноваты?

Лада: Я стала так думать последнее время. Им не нужна была свобода и дела не было до Бердяева или Парижа, они хотели жить как прежде. Солить огурцы и мариновать демьянки.

Марк: Если людям нет никакого дела до того, что дорого мне, почему я должен думать о том, что дорого им. Я готов думать об их нуждах простых людей примерно в той же степени, в какой они думают о моих.

Лада: Вы всегда сражали собеседника математической логикой. Но есть что-то помимо нее...

Марк *(холодным тоном)*: Человеку дан мозг чтобы критически осмыслять реальность. И свобода воли, чтобы отличаться от животных. Если он не умеет пользоваться первым и не дорожит вторым, он из жертвы тектонических сдвигов легко превратится в магму – и присягнет фюреру. Вот сколько уже присягнули. Ты же видела вчерашнюю вакханалию на стадионе?

Лада: Это другие люди.

Марк: Это те же люди. По сути, те же. Просто они теперь живут теперь не в СССР, а в Российской Федерации. Я слишком много занимался немецким фашизмом, что не видеть очевидных рифм. Возвращение Крыма – это возвращение Судет. Это 1933 год в Германии, понимаешь? И для меня нет никакой разницы между теми, кто громил людей в Баку, теми, кто уничтожал их в Дахау, и теми, кто зациклен сейчас на величии России.

Лада: Я не поддерживаю патриотическую вакханалию, но ваши сравнения... они все же очень смелые. Это если мягко сказать.

Марк: Нельзя бороться с одним злом с помощью другого. Падение коммунистической идеологии случилось, потому что на окраинах поднял головы страшный национализм. Абсолютно все считали, что их несчастья происходят из-за других национальностей и что, если от них избавиться, все будет прекрасно. Что достаточно им отделиться, вернуть себе свои земли и наступил рай на их земле. Но он что-то все не наступал. И вот теперь это все добралось и до нас. Русский мир проснулся... Это пахнет страшной войной. Нет ничего опаснее мифов о прекрасном прошлом.

Лада: Я помню. Вы говорили это моему отцу.

Марк: *(Пауза)* Он был один из самых светлых людей, каких я знал. Я слишком поздно это понял.

Лада: Но он же был неправ.

Марк *(твердо)*: Он был лучше меня в своей неправоте.

Лада: Мне самой было неловко смотреть, как он выискивает фамилии армянских архитекторов, которые работали в Баку. Как зациклен на проблеме Арцаха.

Марк: Иногда это все не имеет значения.

Лада: У вас двойные стандарты?

Марк: Да, именно. Я всегда придерживался двойных стандартов. Даже нет, тройных, множественных. В «Гамлете» Клавдий убийца, и Гамлет тоже убийца, но мы судим их по-разному, и это правильно. Я бы даже сказал, это справедливо.

Лада: Почему вы уезжаете? Из-за политических событий.

Марк *(закрывает глаза и долго молчит)*: Знаешь, мой милый, я просто устал жить. Нет-нет, все в порядке, мне просто стало ничего не нужно и ничего не интересно. Я думаю, боже мой, я потратил жизнь на борьбу с мифами и заблуждениями. Лучше бы я потратил ее на любовь.

Лада: Ко мне?

Марк: Что? Нет, ну что ты – вообще. К кому-нибудь или к чему-нибудь. Я всегда умел держать дистанцию. Ничем не увлекался безоглядно. Ни идеями, ни людьми. Всех привязывал к себе и ни к кому не был привязан сам. Вот может быть немного к твоей... к твоим родителям. Я всегда старался быть объективным. Но в любви не бывает объективности. Твой отец умел любить. Идеи, но и людей тоже. А я не умею быть с людьми. Я уезжаю в одиночество. И знаешь... я не буду ничего забирать с собой. Даже плакаты. Пусть все останется тебе.

Лада: Это неожиданно.

Марк: Тебе не придется платить мне ничего лишнего, не беспокойся. Просто все останется тут.

Лада: Вы... вы сейчас искупаете свою вину перед ним, да? Вы же обещали ему не забывать обо мне, я знаю!

Марк: У каждого из нас своя вина. *(Пауза)*. Я должен рассказать тебе. Я был там спустя три года. Там уже никого не осталось кроме этой странной женщины на костылях. Она дала мне что-то. Подожди. *(Уходит в другую комнату. Возвращается и передает Ладе дневники)*. Ты прочитай потом, когда мы расстанемся. Не надо при мне.

Затемнение

ИНТЕРМЕДИЯ ПЯТАЯ

Тети Киля: Жила на свете бедная девочка, ни отца у него, ни матери, все померли, и никого на всем свете не осталось. Ну вот, померли, значит, все, а она ходит, все ищет, и днем ищет, и ночью. А не нашедши на земле, решила поискать на небе – там месяц такой ласковый светит. А как пришла к месяцу, смотрит – ан это гнилушка. Пошла она тогда к солнцу, а как пришла, смотрит – ан это вялый подсолнечник. А как к звездам пришла, смотрит – это маленькие золотые жучки, насаженные на булавки. Захотелось ей обратно на землю – глянь, а вместо земли – горшок перевернутый. Села она тогда и горько заплакала. Так и сидит до сих пор, и все одна да одна. Никого нет. Пустая земля.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Берлин, 2022 год

Лада пьет кофе в кафе за столиком с белой скатертью. Неподалеку за таким же столиком сидит Кямран с газетой в руках. Читает ее, поглядывает на Ладу. Потом встает и подходит к ней.

Кямран: Добрый вечер, я увидел вашу фотографию в газете.

Лада: *(поднимает на него глаза)* Да, обо мне много теперь пишут. Добрый вечер.

Кямран: Это легко объяснить. Ваша эвакуация из Москвы была похожа на сценарий приключенческого фильма. Газетчики любят такие сценарии. Но в статье еще написано, что вы родились в Баку.

Лада: Да, так и есть. Это почему-то важно для вас.

Кямран: Наверное, все еще важно. Я могу присесть?

Лада: Да, пожалуйста. Не знаю, чем я могу оказаться вам полезна. Я не была в Баку больше тридцати лет.

Кямран: Я меньше. Лет пятнадцать. Сначала перебрался оттуда в Москву. А потом уехал и из Москвы тоже. Вот теперь мы оба в Берлине.

Лада: Вас тоже преследовали из-за антивоенных заявлений?

Кямран: Нет, что вы! Я уехал задолго до войны. Почувствовал себя неудачником. Все, что я ставил в московских театрах, было никому не нужно. Все время кажется, что, если ты уедешь, все изменится. Но это иллюзия. Я нигде не нашел ни счастья, ни свободы.

Лада: Когда тебе грозит арест, сразу начинаешь понимать, где есть свобода, а где ее нет.

Кямран: Я так и не понял. Ты просто принимаешь другие правила жизни и меняешь одну независимость на другую. Бежишь от опостылевших людей и надоевших пейзажей, но рано или поздно понимаешь, что бежишь от самого себя. Ты – это твои воспоминания. Я недавно решил, что вернусь в Баку – и тогда круг замкнется.

Лада: Хорошо, когда можешь вернуться туда, откуда уехал.

Кямран: Да, я понимаю. Очень вам сочувствую.

Лада: Знаете, лет за семь до войны я купила себе в Москве квартиру и... как вам сказать. Я чувствовала себя Лопахиным, который купил «Вишневый сад». Я с детства мечтала оказаться в ней. В ней стоит стол Ахматовой и на стенах висят редкие театральные плакаты. В ней когда-то жил один важный для меня человек. И вот теперь этот «вишневый сад» стал недостижим. В него уже не вернуться. Это удивительный опыт – дважды потерять своё прошлое.

Кямран: Дважды? Почему дважды?

Лада: Вас вероятно сбила с толку моя русская фамилия. Я унаследовала ее от первого мужа. Мой отец был армянином. Он погиб в 1990-м во время погромов в Баку. Я потеряла все дважды.

Кямран: Ах вот что! Извините. Я этого не понял. Еще раз готов выразить вам сочувствие. Моя родина – это искусство. У людей искусства не должно быть национальности. Вы же тоже человек искусства?

Лада: Ну это какое-то пафосное определение. Я что-то пишу для театра и о театре.

Кямран: Вот! Это главное. Я азербайджанец, вы армянка. Но люди искусства должны стоять выше этого. Они всегда найдут общий язык.

Лада (*задумчиво*): Кажется, у Симоны Вайль сказано, что надо каждую минуту быть готовым утратить все то, что тебе дорого. Я еще не готова, но уже учусь. Не скажу, что он полезен для психики, но для души, наверное, да.

Кямран: У меня тоже есть свои потери. Пусть не такие, как у вас...

Лада: Они у всех есть. Но в Баку не вернусь даже если это вдруг станет для меня безопасно. Для меня это проклятый город.

Кямран: Зря вы так.

Лада: Нет, не зря. Там уничтожены армянские кладбища. Там люди живут в чужих ими же разоренных квартирах.

Кямран: Там живут разные люди. И я туда обязательно вернусь!

Лада (*эмоционально*): Там, где-то на помойке, лежал наш семейный архив. Я не могу и не хочу это забыть.

Кямран: Да, понимаю. (*Пауза*) Наверное, мне лучше уйти. (*Встает*)

Лада: Нет, отчего же. Мне даже хотелось бы поговорить с вами. Хочу сказать, что ваши соотечественники и сейчас ведут себя совершенно как... нацисты. Лет через 15 после погромов я пыталась восстановить свое свидетельство о рождении. Мне оно нужно, чтобы получить вид на жительство в Германии. И знаете, что я получила вместо запрошенной копии
Кямран: Отказ ее выдать?

Лада: Мне прислали официальный ответ, что я никогда не жила в Баку. Так и написали: никогда не проживала на указанной территории. И печать поставили. Ваши власти отвечают так на запросы всех армянских беженцев. Они считают нас несуществующими.

Кямран: Это не мои власти. Я совершенно не приветствую того, что там творится сейчас.

Лада: Но вы чувствуете ответственность за то, что случилось там много лет назад?

Кямран: Примерно в той же степени, как и вы.

Лада: Я?

Кямран: Кажется, ваша страна сейчас совершила агрессию против Украины, не так ли?

Лада: Но я протестовала и уехала.

Кямран: Я тоже уехал из Баку и тоже протестовал.

Лада: Против чего? Против погромов армян и выселения из города сотен тысяч его коренных жителей.

Кямран: Погромы в Баку устраивали азербайджанские беженцы, которых изгнали из самой Армении. Око за око! Я никогда не приветствовал этого. Но согласитесь, что противоположенная сторона вела себя не лучше. С какой стати Карабах надо было отторгать от Азербайджана? Чем это отличается от аннексии Крыма?

Лада: Многим отличается.

Кямран: Очень убедительный ответ.

Лада: Карабах провозгласил независимость, а не был аннексирован. А Баку, в который вы так хотите вернуться, обстреливает сейчас территорию самой Армении. Под шумок, пока все заняты Украиной. Вас это не смущает?

Кямран: А вас не смущает, что власти независимой Армении всегда в засос целовались с Россией? Ведь Россия – монстр. Полицейское государство. Вы же сами написали это в своей петиции.

Лада: Изучите историю, и вы поймете, что это вынужденный шаг.

Кямран: Историю Армении я как раз немного знаю. А много ли вы знали об истории Азербайджана, когда жили в нем? Думаю, столько же, сколько об истории Украины. Вам все это было неинтересно. И причина нынешних трагедий именно в этом. В чудовищной имперскости россиян.

Лада: Как легко вы перешли от сочувствия к нападению.

Кямран: Вы сами начали.

Лада: Я даже продолжу. А вы сами много ли знали про историю Украины?

Кямран: Столько же, сколько они знали про Азербайджан.

Лада: Ах вот как! То есть мы с вами родились в Баку. Вы, как и я, прекрасно говорите по-русски. Вы, как и я, долгое время жили в Москве. Но я должна взять на себя вину за случившееся в Украине, а вы нет.

Кямран: А я – нет! Я все же азербайджанец. Я никогда не забывал об этом.

Все что я хотел – сделать Азербайджан свободным и демократичным.

Лада: Чтобы сделать его свободным, надо пройти через коллективное покаяние. И России это теперь тоже предстоит. Но в ней хотя бы есть люди, которые понимают необходимость раскаяния. А у вас? Я не встречала еще никого из вашей страны, кто готов был бы признать коллективную вину за содеянное. И вы похоже тоже не готовы.

Кямран: Я еще раз повторю – я никого не убивал. Я даже спас одного человека. Он укрылся в квартире моих родителей. Я его практически не знал.

Сестра попросила за него. Надеюсь, он все еще жив.

Лада: *(задумчиво)* Он может, и жив. *(Возбуждаясь)* Но сколько погибли! Сколько разрушенных жизней! Кто ответит за это??

Кямран: Я не знаю. Я только знаю, что бьют всегда по тем, до кого могут дотянуться.

Лада: Простите, мы заболтались, мне надо идти.

Кямран: Идите. Конечно. Я расплачусь.

Лада: *(резко)* Нет уж, спасибо. Я как-нибудь сама.

Встает, достает из сумки портмоне, идет к барной стойке.

Затемнение

ИНТЕРМЕДИЯ ШЕСТАЯ

Берковская: Мне сначала нравилось в Америке, приезжаешь из нашей нищеты в здешнее изобилие и просто как в раю живешь. Ну язык конечно пришлось учить, но я быстро справилась. Открыла маникюрный салон. Это страна возможностей была. Все было в порядке. Но в последние годы тут меняется жизнь. Все эти программы по поддержке цветных и прочих меньшинств, социальные пособия, велфер. Мы вкалывали как лошади, чтобы встроиться в здешнюю жизнь, а сейчас что – целые поколения бессмысленных уродов, которые никогда нигде не работали. Они тарелку помыть не умеют. Спрашивают только с тех, кто что-то умеет и хочет делать, а с тех, кто не хочет, спросу никакого. У них обязанностей нет, зато прав дофига. Ну, у нас на Юге в Тампа Бэй ещё жить можно. Здесь южане цветным распускаться особо не дают, традиции ещё остались. А севера, Нью-Йорк, Бостон – ну их нафиг. И все это как чума по стране распространяется. Трамп попытался поставить оборзевших тунеядцев на место, но его демократы завалили, конечно. У них в руках все – все медиа, все ресурсы. Я

ещё посмотрю годик другой, если лучше не станет, сдам свой дом внаём и уеду куда-нибудь. Думала в Крым махнуть, но там сейчас война.

Дядя Рубен: Мы осели в конце концов в Краснодаре. Армения совсем нищая была, негде было там пристроиться, решили все же в России осесть. Эрик не выдержала всех этих потрясений, через три года случился инсульт, а потом быстро все закончилось. А я вот все еще копчу небо. С внуками нянчусь. Книги читаю. Сейчас столько литературы интересной появилось. Вот читал недавно исследование профессора Айрапетяна «История Армении и армянского вопроса». Очень интересная книга. Волнуюсь, конечно, что Артуру моему повестка недавно пришла. Страшно за него. Там говорят, наших ребят много уже убило. Но делать нечего!

Россия помогала Армении, когда ей было тяжело, ну значит, мы теперь у нее в долгу. Если весь мир против России, значит, надо помогать. Это по-человечески будет. Я сам трусом не был, и Артур тоже не будет.

Баба Жанна: В Баку после всего случившегося было неуютно оставаться. Нет, нас никто не трогал, мы же не армяне. Но стало ясно, что мы чужие тут. Сестра предложила переехать к ней в Харьков. Там не Россия, но все почти по-русски говорили. Мы продали квартиру, перебрались. Долго получали украинские паспорта, такая неразбериха была в 90-е. Но устаканилось все потом. Ваня пить даже перестал. До 2016 года дотянул, в Баку раньше бы спился, я уверена. Мы с ним всегда тут российское телевидение смотрели. И конечно, Москва все равно была для нас столицей – что в Баку, что в Харькове. Песни, фильмы, «Новогодний огонек», передачи исторические очень любили. Когда все это началось, я не верила, что Россия будет нас бомбить. Ну как! Мы же свои. Мы на одном языке говорим. Но когда ракеты стали рядом с домом падать... Мы смогли выехать просто чудом, меня с котом знакомые забрали прямо из бомбоубежища в центре города, а дочь из очереди за гуманитарной помощью на окраине, у метро. На вокзале в Харькове была давка, ехали с выключенным светом, даже мобильные нельзя было включать. В туалет приходилось по чьим-то головам идти. Сейчас вот добрались до Дрездена. Живем тут пока в общежитии. Чужое тут все вокруг. Не знаю, сколько тут выдержу. А на родину дороги нет. Да и что такое эта родина...

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Лада сидит на высоком барном стуле.

Голос невидимого интервьюера: Ты вспоминала меня?

Лада: Сначала не часто. Мне надо было устраиваться на новом месте. На это уходили все силы. Москва слезам не верит. Но потом... когда я поняла, что

больше не увижу тебя. Ты стал почти наваждением. Мне надо было что-то делать с этим. Я стала сочинять про тебя пьесу.

Высвечивается второй барный стул. На нем сидит Юрий в пледе и тапочках, как в сцене погромов.

Юрий: Спасибо. Это приятно слышать.

Лада: Я не знала, как тебя описывать. Я стала забывать твоё лицо и манеры. Часть жизни оказалась отсечена и помещена в некую витрину памяти. Стекло этой витрины с годами становится все более пыльным. И я уже с трудом разглядывала её экспонаты. Я многое придумала. Ты бы, наверное, не узнал себя в этой пьесе.

Юрий: Ну это неважно. Я все равно тронут. Надеюсь, я там вызываю симпатию?

Лада: Ты очень страстный. Все время ищешь историческую правду. Но там все такие, все ищут правду, но никто не находит. Наверное, потому что я сама не знаю ее.

Юрий: Я раньше был уверен, что знаю. Но чем дальше, тем больше она ускользала от меня. Но вот что я тебе скажу. Уже после твоего отъезда Марк прислал мне письмо, в нем была речь Виктора Франкла, которую Марк перевел с немецкого. Она поразила меня. Великий психиатр произносит ее в Вене в 1989 году, за год до нашего бакинского ужаса. У него погибли в концлагерях почти все родственники, а сам он выжил. И вот он стоит на площади перед огромной толпой людей, чьи родители, а может быть и они сами были нацистами, и говорит, что они не дождутся от него ни одного слова ненависти.

Он говорит, что не может ненавидеть, потому что знает только имена жертв, но он не знает имен тех, кто был палачами. Зато он помнит имя католической баронессы, которая с риском для жизни всю войну укрывала в своей квартире его сестру. И адвоката, который, рискуя жизнью, приносил ему продукты. “Скажите, почему я должен не любить Австрию, если там были ТАКИЕ люди?” – спрашивает он.

Лада: Ты согласен с ним?

Юрий: Когда Марк прислал это письмо, я не нашел, что ответить ему. Но сейчас я чувствую то же самое. Нет никакой коллективной вины! Франкл говорит, что он знал этого с самого начала, когда еще сам был в концлагере.

Лада: Тогда ничего нет. Раз нет коллективной вины, значит, нет и общей правды.

Юрий: Правды действительно нет разом на всех. Но она все же есть! Когда ты видишь конкретного человека, ее почти всегда можно найти. Вот он перед тобой, грешный, заблуждающийся. Но в нем наверняка есть что-то, что важное и неделимое, что-то не равно его заблуждениям, его ошибкам, его невольным и вольным преступлениям. Постарайся разглядеть это важное. Постарайся понять его. Может быть, он тоже поймет тебя.

Лада: В моей пьесе никто никого так и не понял.

Юрий: Я тебя понял. Разве этого мало?

Лада молчит.

Кямран выходит на сцену.

Кямран: Скажи: «Ищу у Господа рассвета спасения от зла, исходящего от сотворенного Им, и от зла спустившегося мрака. От зла колдующих и зла завистника, когда в нем зреет зависть».

Скажи: «Ищу спасения у Господа людей, Властителя людей, Бога людей. Ищу спасения у Него от зла нашептывающего Сатаны, который отступает при упоминании Господа. Сатаны, который вводит смуту в сердца людей. От зла представителей Сатаны из числа джиннов и людей».

Юрий (*одновременно с Кямраном, но вступая чуть позже*):

Господи, сделай руки мои продолжением Мира Твоего,

И туда, где ненависть, дай мне принести Любовь,

Туда, где обида, дай мне принести Прощение,

Туда, где заблуждение, дай мне принести Истину,

Туда, где сомнение, дай мне принести Веру,

Туда, где отчаяние, дай мне принести Надежду,

Туда, где горе, дай мне принести Радость.

Туда, где мрак, дай мне принести Свет.

Девочка Мехрибан в белом платье подходит к роялю, за которым сидит тетя Кили. Мехрибан становится солисткой хора, а хором выступают все соседи. Под аккомпанемент тети Кили и они вдохновенно исполняют «Серенаду» Шуберта.

Лада продолжает неподвижно сидеть на высоком барном стуле.

Сбоку, сложив на груди руки, за всеми скептически наблюдает Марк.

Конец
